

Утренний Новосибирск купался в морозной дымке. Впечатление обманчиво, мороз крепчает. Деревья застыли, присыпанные инеем и намерзшим прямо на тонких ветках льдом. Многоэтажки сонно протирали слепые глаза – окна, шурясь в красноватое зарево далекого рассвета. Улицы затемнены, дома загораживают проблески утра высоко в бледных небесах. Там еще не успели погаснуть желтоватые звезды, похожие на рассыпанный горох.

Смена началась с места в карьер. Сомов едва успел перехватить в общаге пару бутербродов, пока Сашка спит. Ей вставать через час.

Команда на подстанции уже собралась, оставшиеся с ночи зевали и сверлили стены красными от натуги глазами. Реаниматолог, доктор Юра, как они его называют, храпит на кушетке, и пинает ботинками стенку.

Вызов поступил, как раз когда Сомов думал, что тоже может с чистой совестью лечь на диван на подстанции и вздремнуть пару часов. Ага, сейчас.

– Ножевое ранение, Чкалова, 93, – сообщил диспетчер. – Полиция уже выехала. – Симонов ничего больше не скажет, а надо бы подробности. Очень часто отправляют не ту бригаду, которая нужна, кардиологам сплавляют переломы, а психсанитары едут на ДТП.

Реанимационная «Скорая помощь» помчалась по ледяной трассе, пролетая под неоновыми огнями. Большой темно-желтый автомобиль с широкой красной полосой посередине. Комья грязного мокрого снега из-под колес взлетали к лобовому стеклу, налипали на зеркала, загораживая обзор. Ржавый корпус стонал всеми своими деталями. 42 км/ч максимум для их «Газели», оставшейся еще с дореформенных времен. По случаю оптимизации на подстанции две машины, раньше было шесть.

Еле вписавшись в поворот, машина влетает на Чкалова. Домчали за две минуты, Кузнецов весь в мыле. Пот вытереть

не успевает, он так и течет из-под шапки. Забыл ее снять впопыхах.

В свете фар сквозь снежный занос бежит девушка в короткой юбке и шубе, бросаясь прямо под колеса. Сомов с Григорьевым выскочили на снег. В талом черном набухшем сугробе лежит истекающий кровью парень. Кровь мешается с водой, расплывается в большое мутное пятно. Опять оттепель, погода меняется каждые пятнадцать минут. Парень паникует, пытается дергаться, зажимает шею онемевшими от натуги пальцами. Бешено сверлит глазами, втягивая в себя воздух.

Утренние сумерки, нормальный свет только от фар. Рядом истошно воеет полицейская сирена. Оперативники расчистили «Скорой» дорогу, очень часто приходится работать в команде. Зареванную девушку усадил в машину приехавший вместе с СОГ следователь. Он ждет, пока врачи уедут, осмотр места происшествия нужно провести как можно быстрее. Пока метель не засыпала следы окончательно.

Сомов замечает цианоз. Синюшные кожные покровы. Парень дергается всем телом, смотрит врачу в глаза, не видит. Скребет пальцами по шее, хочет ее еще сильнее разодрать, чтобы вдохнуть поглубже. Паникует, не может. Шок. А в глазах животный страх. Дело плохо.

Рана резаная, нож по касательной прошел. Хорошо хоть, не колотая.

Слышит самое плохое – свист. Задеты вены, имеем воздушную эмболию. Порванные сосуды тянут воздух в себя. Артерия похожа на большой садовый шланг, который прыгает по земле из-за сильного напора воды.

Григорьев сдавливает кровотокающий сосуд, кровотечение ослабляется, но не останавливается, повреждения обширные. Начинается нарушение дыхания. Дышит поверхностно, часто, потом затихает, задыхается. Вдыхает и захлебывается.

Сомов пытается сделать перевязку сосуда. Руки в перчатках скользят, они с Григорьевым сидят в луже снега и крови. Никак не может захватить поврежденную артерию. С трудом, но это ему удастся. Парень теряет сознание. Женька вызывает по рации диспетчера. Симонов реагирует быстро, отбивает номер приемной в больнице за два квартала.

Сомов с Григорьевым на носилках затаскивают парня в машину. Работают быстро и молча. Автомобиль ревет, двига-

тель завелся сразу. Отлично. Ближайшая больница, свободные места есть. Машина въезжает прямо в здоровенную лужу и буксует, рыча, как раненый кабан. Санитары бегом уносят парня.

– Доброе утро. – констатирует Сомов, сидя в машине и косо поглядывая на рацию. – А я только порадовался спокойной смене. – Григорьев закуривает. Курит он «Максим», по пачке в день, ходит желтый, как лимон. Он старше Андрея на два года, сидит и торопливо ковыряется в носу, пока есть время.

08:48

Рация оживает, доктор затаптывает тлеющий окурок и прыгает в машину. Вызов: мужчина, без сознания, на улице.

– Дышит? – пыхтит Женька Григорьев, поудобнее устроиваясь в салоне. Носилки сдали, пол в потеках крови. По правилам, нужно продезинфицировать салон и отмыть его, однако, этим займемся потом.

– Вроде дышит. – Чертов диспетчер, Вовка Симонов, никакой определенности. Самое важное – знать, дышит ли пациент самостоятельно. Если да, то шансы откачать автоматически растут вдвое.

Сирена, мигалки. Летят. Сражаемся на обгон. Страшно даже подумать, кого именно пытаемся обогнать. Смерть сидит напротив в салоне, закинув костлявую ногу на ногу, и курит в лицо Григорьеву. Страшно допустить мысль, что от тебя ничего не зависит, и там наверху за твоими потугами с усмешечкой следит неизвестно кто. Руки опускаются и начинаешь перегорать. А выдыхаются здесь быстро, надоедает играть в прятки с тем светом.

«Рено» прочно перегородил дорогу. Серый, заляпанный грязью тупорылый автомобиль. Григорьев срывается, подбегает к водителю, стучит по стеклу. Тот разговаривает по телефону, опускает стекло.

– Чего надо? – спокойный вальяжный голос мелкого бизнесмена.

– Дорогу уступи! – рычит Григорьев, приплясывая на месте от напряжения. Ботинками стоит прямо в луже, тонкая подошва тает и мокнет.

– Пошел ты! – снова телефон возле уха. Рядом проходящие люди показывали этому водиле уступить дорогу,

но он продолжал стоять, разговаривая по телефону. Сдать назад нельзя, вперед не проехать, до пункта назначения три километра. Сомов со всей силы врезает кулаком по стеклу, напряженно наблюдая. Драться с водилой нельзя, некогда. А он все треплется по телефону, решает там вопросы огромной важности. Злиться тоже некогда, надо ехать.

Три минуты «Скорая» стоит, сжатая слева забитыми двумя рядами машин и впереди стоящим нерасторопливым водителем. Три минуты! Для «скорой» это очень много. «Рено» соблаговолит сдвинуться, Кузнецов бьет по газам. «Скорая» вырывается из пробки, как грешник из чистилища.

Мужчина в снегу лежит, без сознания. Лет тридцать. Сделал последние два вдоха и дал остановку. Сомов отмечает для себя синюшность головы пациента. Рвотные массы на лице. Мдаа, нехорошо. Отсос. Полный рот блевотины. Какое там дыхание, о чем речь.

– Жека! Время фиксируй! – сквозь зубы шипит Сомов. В такой ситуации теряешь счет времени. Минуты пролетают как секунды. Счет со стороны позволяет сохранять равные интервалы между манипуляциями.

На мониторе давления нет, сердцебиения нет. Клиника, клиническая смерть. И понеслась реанимация. Аппарат вдвухает 100%-ный кислород в освобожденные от рвоты легкие, непрямой массаж сердца не прекращается ни на минуту. Средкими остановками на катетеризацию вены, оценку сердечного ритма (не более 5-7 секунд с одновременной записью ритма на пленку. Вернее, отсутствия ритма.)

Каждые пять минут введение возрастающих доз адреналина, допамин в разведении постоянно вводится, сода капается. 5 минут... 10. Завели. Загружают пациента в машину. Трясет на каждой выбоине. У пациента голова дергается. Как у тряпичной куклы, собачьей игрушки. Пока ехали, парень открыл глаза, мутным взглядом смотрит на Сомова. Опять отключается, по приезде его передают санитарам. Успели.

Солнце уже на приличной высоте. Начинает пригревать. А только полтора часа назад валил мокрый снег. Утренний часпик спадает, можно чуть продохнуть. Судьбами пациентов, которых они привозили, Сомов не интересовался, дальше уже дело хирургов, кардиологов и остальной команды. А у них

новый раунд тайского бокса. Тайский бокс, он без правил, и здесь так же.

09:10. Вызов. Мужчина, 54 года, Бронхиальная астма (задыхается), вызывает дочь. Убедившись, что ничего не забыто, Сомов дает отмашку водиле и с люстрами «Скорая» летит в центр города, попутно Григорьев пополняет сумку ампулами. Люстры – мигалки усиленного типа. Когда едет желтая реанимационная скорая – шарахаться обязаны все. Только им плевать. Нет, не время нервам, они будут потом.

Встречает дочка пациента, бледная, ненакрашенная. Зашли в квартиру, мужик на диване, цианотичный, сине-зеленый. В кресле темно-серая полосатая кошка, в тишине слышно, как непривычно громко она урчит. Сомов автоматически ощущает, как закладывает нос, у него аллергия на шерсть. Хочется чихать и вырваться отсюда. Бахилы с собой не возят, на полу и ковре грязные следы. Григорьев виновато оглядывается. В узкой комнате он ужасно нескладно смотрится, Сомов вообще согнулся в три погибели.

– Неважно, я потом все вымою, – торопливо бормочет хозяйка, дрожа всем телом. Она еще в халате, убегает вглубь квартиры, сильно шаркает тапочками. Хлопает дверь, кошка лениво потягивается, дугой выгибая спину. Напоминает серого тигра в миниатюре, недовольно сверлит непрошенных гостей желто-ореховыми глазами.

– Вы уж извините, что вызывать пришлось, – шепчет с дивана отец, видно, что напуган. Телевизор включен. Показывают «Алладина». Ясно, для кого мультики ни свет ни заря, для обозленных родителей, собирающихся на работу. Наверно, здесь есть дети, не до них сейчас.

Думал, что пройдет, что таблетки помогут. До вызова он пшикнулся только один раз. Сомов выслушивает его и по его глазам Григорьев понимает, что у него там воды с пеной больше, чем воздуха. Фельдшер начал набирать спирт. Вен нет, просто вообще нет. Поспадались твари... Ищут вдвоем, тыкаются, тем временем состояние пациента резко ухудшается.

В его глазах Сомов увидел страх, глубочайшее отчаяние. Он смотрел на фельдшера в надежде, что тому удастся спасти его. Он умолял. Он сожалел. В один момент он хватает последний воздух своими сухими губами, а глаза застывают в одной точке, ноздри Андрея пронзает запах испражнений.

Его кладут на пол. Интубируют, вен больше не ищут, подкалывают шею, подключают дэф. Дальше по стандарту. Адреналин, атропин, все дела.. Хозяйка сдавленно хрипит, плачет за диваном. Диван черно-белый, продавленный в середине. Над ним сероватые занавески ходят ходуном от резких перемещений по квартире.

Не завели. Не получилось. По времени качали больше, чем в протоколах. 30 минут полноценной реанимации. Сердце завести не удалось. Григорьев смотрит на дочь хозяина и качает головой. Обвинять некого, и сказать нечего.

Тело на носилках осторожно выносят из квартиры. Женщина уже даже не всхлипывает, только тяжело и прерывисто дышит.

В подъезде слышны за дверями разговоры и смех. У кого-то хорошее настроение. Из-за соседней двери выскакивает парень, явно навеселе, в одних шортах и черных шлепанцах. А здесь несут труп, укрытый испачканной простыней. Парню хватает остатков трезвости, чтобы ретироваться и молча исчезнуть.

Первая смерть за дежурство. В машине разбитые ампулы хрустят под ботинками. Приглушенный свет и кислотная вонь лекарств.

Друг с другом почти не разговаривают, некогда. Машина дребезжит и стонет, в салоне гуляет сквозняк, так как пол прогнил, а дверь держится на честном слове. Но можно успеть по дороге, прямо в салоне, выпить немного сока, если он не выплеснется тебе на форму на очередном ухабе. Сомов клюет носом и зевает, домой попасть уже не терпится.

Передохнуть на подстанции не успевают, вызов за вызовом. Февраль обычно урожайный на смерти, диспетчер бросает их к сердечникам, астматикам, гипертоникам. Лиц Сомов практически не запоминает, некогда. Вбежать, вколоть атропин, интубировать, завести сердце, довезти и сдать в приемный покой – и по новой. По кругу, чем дальше, тем быстрее. Не успеваешь поесть, подумать, позвонить домой. Влетая в очередной дом, требуешь показать, где туалет, пока доктор проводит осмотр. И наоборот.

Каждый раз со смертью за руку здороваются, садятся напротив друга, и начинают игру. Если есть время, то шахматную партию.

В девять утра следующего дня смена закончена. Еще две смерти. У Кузнецова открылось второе дыхание, он лавирует по скользкой трассе, не успевая отскребать дворниками снег с лобового стекла. Откуда он только взялся, на улице же холод!

Сомов на троллейбусе едет домой, в Северный микрорайон. Там его съемка, одна комната. Перевалочный пункт, чтобы отоспаться. Он даже толком не помнит, как она выглядит. А, нет, там есть хороший письменный стол, коричневый, обтянутый клеенкой. И койка на пружинах, которые торчат из-под матраца, и ночью царапают и щекочут кожу.

Он зашел в ближайшую «Пятерочку», купил бутылку водки. Дома никого, домохозяйка ушла к дочери. Остаться в серых стенах ему не хотелось, идти к Сашке стыдно. А, к черту! Пиво сейчас не годится, трупы со смены встают рядом и пялятся на тебя пустыми глазами. Для таких случаев существует только водка.

Он открыл бутылку и сделал большой глоток. Сразу же закашлялся, из глаз брызнули слезы. Замутило, а потом вырвало на снег возле подъезда квартиры домохозяйки. Мимо шла тетка с пакетом продуктов. Лет шестьдесят, идет и брезгливо поджимает губы, одергивая подол длинного и явно недешевого вишневого пальто.

– Пьянь подзаборная, – проворчала она, – совсем распоясались!

– Пошла ты, – прошипел он сквозь зубы. Идти никуда не хотелось. Кое-как он добрал до квартиры, как вор, пробрался на свою койку, тщетно пытаюсь заснуть. Тошнило еще сильнее, в животе жгло. Бутылку он выбросил.

Его трясло от страха. Пока ты на смене, ты собран и напряжен до предела. Стоит расслабиться, и начинается ломка, и остается напиться. А от этого еще хуже. Слабак, даже пить нормально не умеет. Его опять замутило и вырвало в раковину, кухня пропиталась запахом рвоты.

На улице посвежело, почти совсем стемнело. Поднялся ветер, но уже теплый. Зима пока что не планировала возвращаться.